

Дэниел Худ

ВОЛШЕБСТВО
ДЛЯ КОРОЛЯ

МОСКВА

ЭКСМО

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДОМИО

2004

ЛАЙАМ СИДЕЛ и ждал, поерзывая на краешке кресла. «Ты давно не студент!» — напомнил он себе и передвинулся, чтобы сесть попрочней.

Пальцы его тут же ухватились за складки брюк и принялись их теребить. Он поспешно сунул руки под мышки и напустил на себя скучающий вид. Кабинет, в котором он находился, принадлежал известному торквейскому ученому Кейду, и у него просто живот подводило от робости, хотя окружающая обстановка ничего угрожающего в себе не таила. В небольшом камине приветливо попыхивал уголь, напольный кованный канделябр прекрасно гармонировал с защитной решеточкой и приставленными к ней кочергой и щипцами. Пламя свечей, отражаясь в оконных стеклах, превращало ползущие по ним капли дождя в золотистые бусинки.

Ожидание тяготило. Однако хозяин уютного кабинета, словно не замечая смятенного состояния гостя, продолжал изучать письмо.

«Он не экзаменатор, ты не школяр! — продолжал убеждать себя Лайам. — Ты полномочный

посланец герцога Южного Тира!» Однако ему никак не удавалось избавиться от ощущения, что в природе вещей что-то свихнулось и самоуправное время перенесло его лет на десять назад. Сейчас почтенный мэтр оторвется от своего занятия и примется распекать нерадивого студиязуса Ренфорда за пьянство или прогулы. И когда тот действительно положил бумагу на стол, голова Лайама невольно вдвинулась в плечи, а тело искательно дернулось. Будь у него хвост, он, кажется, вильнул бы и им.

— Ну-ну, — улыбнулся мэтр Кейд. Это был невысокий, полненький человек, лысоватый и белобородый. Правая нога его возлежала на табуреточке, заботливо укутанная одеялом, плечи профессора многих наук укрывал теплый платок. — Весьма, весьма лестные отзывы, квестор Ренфорд. — В голосе ученого, знаменитого на весь Таралон, ощутимо проскальзывал южный акцент. — Вы ведь квестор, не так ли?

Лайам кивнул:

— Временами. Когда его высочество находит возможным мне что-нибудь поручить.

— Герцог вообще-то на похвалы скуповат, однако вас он прямо-таки превозносит.

— Доброта его высочества не имеет границ, — пробормотал Лайам и тут же почувствовал себя идиотом. «Ну, и зачем ты это сморозил? Тоже мне, нашел добряка! Перестань лебезить и возьми себя в руки».

Кейд расхохотался и помахал письмом.

— Бросьте, квестор! Грозный властелин Южного Тира лорд Линдауэр Веспасиан обладает

массой достоинств, но доброта к их числу никак не относится.

Лайам смутился.

— Говоря по чести, вы правы.

Они обменялись короткими взглядами, и наваждение, тяготившее Лайама последние четверть часа, прошло. И то сказать, какой же экзаменатор ставит себя со студентами на равную ногу? Да еще отпускает при этом рискованные замечания в адрес высоких персон?

— Добрый человек никого не погнал бы в дорогу в такую пору, — продолжал Кейд, насмешливо щурясь, — однако вы здесь! Осенью в путешествиях приятного мало. Вам ведь досталось на море, а?

Лайам вспомнил неделю жуткой болтанки на утлом суденышке и покачал головой.

— Могло быть и хуже. Однако обратно, пожалуй, я отправлюсь все-таки сушей.

— Хрен редьки не слаще, — заметил мэтр. — Не пройдет и месяца, как перевалы завалит снегом. А с вашим делом в месяц не справиться, разве не так?

Лайам уныло кивнул. Торквейские библиотеки в месяц не перероешь, да и беседы с ученой братией какое-то время займут. Поручение, с каким он прибыл в столицу было довольно своеобразным — собрать как можно больше сведений о краях, в какие купцы Таралона пока что не забирались.

— Боюсь, я сам накликал себе эту мороку. Дом, с каким я партнерствую, занят разведкой новых торговых путей, и герцогу захотелось того

же. А поскольку о выгодах этого предприятия он узнал от меня, то...

Кейд хихикнул.

— Вас же и наказали. М-да, язык мой — враг мой, но... к чему так спешить? Неужели все это нельзя было отложить до весны?

Лайам со вздохом развел руками.

— Герцог не любит ждать.

— Ох, простите, я и забыл, что терпение тоже не свойственно Веспасианам, — сказал Кейд. Он опять придвинул к себе письмо и поджал губы. — Что ж, хорошо. Я устрою вам встречи со сведущими людьми и помогу получить доступ в нужные книгохранилища. Я буду рад сделать это, поскольку герцог не раз выручал меня в тяжелые времена. Но все остальные труды лягут на ваши плечи.

Мэтр прищурился и подчеркнул в письме ногтем какую-то строчку.

— Как я понял, вы обучались у нас. И где же? Небось в коллегии Благоденствия?

Лайам кивнул и про себя усмехнулся. «Обалденствия» — если уж уточнять. Именно так называли свою коллегию однокашники Лайама, и студиязус Ренфорд отнюдь не был среди них белой вороной. Все-таки жаль, что это беззаботное времечко позади.

— Надо признаться, курса я не окончил.

Он помолчал, прокашлялся.

— Семейные дела, знаете ли...

Кейд, снова погружившийся в чтение, только рукой махнул.

— Я сам из белобашенных, — буркнул он, водя пальцем по строчкам, — и знаю, каково тут учиться. Пустая трата времени, по чести сказать. Однако вернемся к насущным вопросам.

Он, нахмурившись, перевернул листок, но того, что искал, не обнаружил и там.

— Странно, но тут не сказано, должен ли я помочь вам с жильем. Вы нашли, где остановиться?

— Да, я уже сговорился. В «Трезвомыслии». Кейд оживился.

— У госпожи Толл? Что ж, там довольно неплохо, только цены кусаются. Надо бы записать, а то позабуду.

Он потянулся за письменными принадлежностями. Больная нога явно ему мешала. Лайам, поспешно вскочив, подвинул к ученому чернильницу и перо. Тот нацарапал что-то прямо на обороте рекомендательного послания и сочувственно покивал.

— Вам еще повезло. Я слышал, гостиницы сейчас переполнены.

Лайам, вновь опустившийся в кресло, подтвердил, что это действительно так.

— Я побывал в трех местах, прежде чем сумел что-то найти.

— Тому причиной болезнь короля, — пояснил Кейд. — Уйма народу потянулась в столицу помолиться о здравии властителя Таралона, а заодно и порадеть о своих интересах, если молитвы до небес не дойдут.

Его тон не оставлял сомнений, что последнее более вероятно.

— Неужто дело так плохо? А у нас в Саузварке было объявлено, что король лишь прихворнул. Ученый нахмурился и покачал головой.

— Нет, все значительно хуже. Но насколько — никому не известно. Однако стервятники уже чувуют поживу.

«Ну, если все действительно так, мне и впрямь повезло. Скоро тут яблоку негде будет упасть». У Никанора IV наследников не имелось, а претендентов на трон было хоть отбавляй.

— То-то я еле протиснулся к Лестнице!

— К Лестнице? — Кейд удивленно вскинулся. — К Парящей Лестнице? И что же вам там понадобилось с утра?

— Я поднимался из Беллоу-сити, — ответил Лайам, несколько удивленный реакцией мэтра. — Мы причалили на рассвете, но народу уже накопилось столько, что я попал лишь на третий подъем.

Кейд, поморщившись, опустил в кресло и наклонился к больной ноге.

— Извините, квестор. Подагра! Значит, вы только что прибыли? И напрямик поспешили ко мне? Похвально-похвально, герцог будет вами доволен. Но, позвольте! Вы ведь сказали, что заходили в гостиницу. И сколько же времени вы пробывали там?

Лайам вновь ощутил себя проштрафившимся студентом.

— Ровно столько, чтобы снять номер и оставить в нем вещи, — виновато ответил он.

Кейд покивал, словно Лайам дал верный ответ на сложный вопрос, и опять заглянул в письмо, лежавшее у него на коленях.

— Герцог упоминает о том, что при вас имеется фамильяр. И, однако же, утверждает, что вы не являетесь магом. Так ли это?

— Да, это так, — Лайам прокашлялся, вновь привыкая к роли экзаменуемого. — Я унаследовал его от чародея, но сам я — не чародей.

Он несколько погрешил против истины. Вообще-то, ни о каком «унаследовании» речи поначалу не шло. Дракончик сам навязался ему после гибели своего прежнего господина. Впрочем, такие детали мэтра, похоже, не волновали.

— Хм... И что же, он где-нибудь тут?

Лайам сделал неопределенный жест.

— Он ждет снаружи.

— А-а! Он, должно быть, привлекает внимание.

Что да, то да. По дороге из гавани многие встречные пилились на дракончика, сидящего у него на плече.

— Привлекает, и это показалось мне странным. Раньше торквейская публика так себя не вела. В годы моей учебы маги тут попадались на каждом шагу, а фамильяры при них были и почуднее.

Кейд снова кивнул.

— С той поры мало что изменилось. Но неделю назад магистр харкоутской гильдии магов созвал чародеев страны на всеобщий совет. И все наши маги убыли в Кэрнавон, чтобы разобраться в наболевших проблемах. В Торквее осталась лишь горстка кудесников-недоучек. Так что людей удивляет скорее не ваш фамильяр, а то, почему вы не в Кэрнавоне.

Ну, если так, то любопытство зевак вполне объяснимо. А самому Лайаму сделалось любопытно, как проходят подобные сборища. Он хотел было расспросить об этом ученого, но Кейд уже продолжал:

— Если хотите быть неприметным, оставляйте свою зверушку в гостинице, а еще лучше — на корабле. И последний вопрос. Тут сказано, что у вас есть какая-то посылочка для меня.

— Ах да! — воскликнул Лайам, вспомнив о свертке, врученном ему его высочеством перед самым отъездом. Он похлопал себя по груди и в ужасе замер. «Не может этого быть!» На миг его охватила паника, но ткань туники успокоительно скрипнула. «Идиот, она же осталась в плаще!»

— У меня ее нет...

— Ка-ак?! — вскинулся Кейд и рухнул в кресло, морщась от боли. — Как это у вас ее нет?

— Но... вы не так меня поняли! — сказал изумленно Лайам. — Посылка осталась в плаще. И если ваша служанка возьмет на себя труд...

— Нет-нет, принесите ее сами!

Лайам, пожав плечами, вышел из кабинета и попал прямо в прихожую — дом ученого был невелик. Служанка Кейда, помогая гостю разоблачиться, пообещала просушить его плащ. «Где же она это делает?» Он прошел по коридору вглубь дома и отыскал небольшую кухню. Плащ висел возле пылающего очага.

— Я тут забыл кое-что, — буркнул Лайам удивленной служанке и вздохнул с облегчением, нащупав знакомый сверток. Вытащив его из потайного кармана, он поспешил вернуться к

ученому. Тот уже успел взять себя в руки и искательно улыбнулся, принимая посылку.

— Простите мою горячность, — извинился он. — Это один пустячок, давно мне обещанный герцогом, всего лишь безделица, но я, в свою очередь, уже ее кое-кому обещал... получилось бы нехорошо, если бы вещь пропала...

«Если уж пустячки заставляют его так кипятиться, то что же с ним делается, когда речь заходит о чем-то серьезном?!» — подумал Лайам, усаживаясь на прежнее место, а вслух произнес:

— Это моя вина. Я так долго держал посылку в плаще, что успел о ней позабыть.

Кейд пропустил его слова мимо ушей. Цилиндр величиной с мужской указательный палец полностью завладел его вниманием. Подрагивая от нетерпения, мэтр ослабил бечевку и отогнул край обертки.

Лайаму сделалось любопытно, что там внутри, но не слишком.

— Все ли в порядке? — поинтересовался он.

Ученый улыбнулся.

— О да! — выдохнул он. — Все хорошо. Все просто замечательно!

Кейд вновь затянул бечевку и выпрямился.

— Квестор, я вынужден просить вас об услуге. Моя нога не позволяет мне помногу ходить, а эту вещь надо бы срочно передать одному человеку. Моему приятелю, он ждет ее очень давно. Не возьмете ли вы на себя этот труд?

Лайам поколебался, косясь на окошко, залитое дождем, но ответил:

— Буду рад вам помочь, мэтр Кейд!

Лицо ученого расплылось в улыбке.

— Вы так добры, квестор! Просто чрезвычайно добры. Я бы, конечно, мог отправить посылку с каким-нибудь уличным мальчуганом, но им доверять нельзя, а дело отлагательств не терпит. Пакет нужно доставить без проволочек и прямо сейчас.

«Прямо сейчас?!» Лайам внутренне передернулся, но вежливо наклонил голову, и ученый, засуетившись, принялся объяснять ему, где живет его друг. «Вот и тащись теперь черт-те куда по собачьей погоде!» Чуть ли не через весь город, под проливным дождем...

— И спросите там мэтра Берта, — торопливо закончил свои пояснения Кейд. — Вы его сразу узнаете. Он такой коренастый, черноволосый, усатый — только усатый, заметьте, бороды у него нет. А еще он немного прихрамывает, этак, знаете, припадает на правую ногу. У него тоже суставы застужены. Если вы все исполните лучшим образом, я ваш вечный должник.

И он протянул гостю сверток.

— Ну что вы, меня это вовсе не затруднит, — сказал Лайам. «Затруднит, еще как затруднит, но ничего не попишешь».

Он встал.

— Когда я могу заглянуть к вам опять? По поводу данного мне герцогом поручения?

— Да сегодня же и заходите! — сказал мэтр, сопровождая свои слова широкой улыбкой. — Как справитесь, так и возвращайтесь. Мы вместе отужинаем и прикинем, как устроить ваши дела.

Лайам поклонился.

— Тогда я не прощаюсь.

Он направился к двери и уже взялся за ручку, когда Кейд вновь окликнул его. Лайам остановился.

— Если хотите остаться в тени, не берите с собой фамильяра.

Лайам неуверенно улыбнулся. «Странненький старичок!» Он покачал головой и пошел за плащом.

Университетские наставники Лайама не уставали твердить, что в мире нет столицы, равной Торквею. Людям практичным строиться в таком месте никогда бы и в голову не пришло. Говорили они это с оттенком гордости, словно состояли с основателями Торквея в родстве, хотя этого ничуть не бывало. Основали диковинный град Семнадцать семейств, в незапамятные времена подчинившие Таралон своей воле и поставившие над ним своего короля. Здравый смысл повелевал им расположить опорный город короны в центре страны, но религия повернула дело иначе. Древние жрецы-прорицатели, поднаторевшие в толковании снов и гаданиях по перелетам птиц и бараньим лопаткам, объявили, что новому королю надлежит поселиться на восточном побережье подвластной ему территории, близ долины, в которой брала начало очень короткая и очень стремительная река. Долину нарекли звучно — Рентриллиан, именно там, по утверждениям жрецов, следовало короновать и погребать королей Таралона.

Век за веком столица вращалась в скалы ущелья, по дну которого катился водный поток, низвергавшийся в море с гигантского естественного уступа. Строиться там было практически невозможно, но это жрецов заботило мало. К утесам, где прежде лепился лишь плющ, стали лепиться и здания. Семнадцать семейств уважали волю небес и никакие трудности их не пугали. Реку называли Монаршей, а водам ее приписали чудесные свойства.

Так что столица единым городом отнюдь не была, а содержала в себе целых три не смыкавшихся друг с другом Торквея: Торквей священный, расположенный в долине Рентриллиан, Торквей королевский, лепившийся к скалам между долиной и водопадом, и нижний Торквей — морской порт, куда завозилось все, в чем могли нуждаться жители необыкновенного полиса, а нуждались они буквально во всем. Подняться наверх из Беллоу-сити (так назывался порт) можно было двумя способами: либо воспользовавшись подъемником, доступным лишь богатым и знати, либо подсев на какую-нибудь повозку, ползущую по серпантину дороги, вырубленной в склоне горы. Парящая Лестница делала в день всего семь рейсов, тогда как дорога, именуемая Хлебным трактом, не отдыхала круглые сутки. По ней непрерывным потоком ползли телеги, груженные зерном, мясом, вином, пивом, мануфактурой, углем, древесиной, керамической плиткой, кирпичом, бумагой, стеклом, благовониями — короче, всем, чего только может желать человек.

В нескольких милях к югу от водопада имела-сь и боковая дорога, но она шла в обход города по соседней долине и вела напрямик к гробницам усопших монархов. Никаких товаров по ней не возили: ею пользовались толпы паломников, посещающих святыне места.

«Идиотский город!» — подумал Лайам, не решаясь сойти с крыльца. Отчасти это суждение породила дурная погода, отчасти — странное собеседование с белобородым ученым, в результате которого мэтр остался в тепле, а гостю предстояло тащиться куда-то, несмотря на то что его плащ еще не просох. Но ведь и в самом деле: не безумие ли — строиться там, где и птицам не угнездиться? «Гнусный город, совершенно дурацкий!»

Лайам сунул руки в карманы плаща, поежился от охватившей их сырости и мысленно воззвал сквозь дождь:

«Фануил!»

В его мозгу незамедлительно возник отклик:

«Да, мастер?»

«Ты где?»

«Здесь, мастер». Миниатюрный черный дракончик, спикировав откуда-то сверху, плюхнулся перед ним на камни крыльца. Он встряхнулся как пес, посмотрел на хозяина и чихнул.

— Ты что, простудился?

На памяти Лайама дракончик еще ни разу не прихворнул, а ведь они были знакомы уже больше года. Да, уже больше года прошло с той ночи, когда Лайам наткнулся на труп чародея, невда-

леке от которого, как потом оказалось, валялась издыхающая крылатая тварь.

Дракончик снова чихнул и пояснил:

«Мне вода в нос натекла».

Лайам посмотрел на серое небо, на мелкий, непрерывно морозящий дождь и поморщился.

«Что ж ты не спрятался?»

«Надеялся поохотиться».

«Вряд ли тут в городе найдется что-нибудь, кроме крыс. Тебе не стоит их есть. Попозже я что-нибудь раздобуду. Ты ведь не умираешь с голоду?»

Фануил почесал нос лапкой и сунул голову под крыло.

«Нет, мастер. Я могу подождать».

«И хорошо, — Лайам вновь угрюмо покосился на небо. — Потому что сейчас нам с тобой предстоит кое-что сделать. — Тут он вспомнил о странном предостережении Кейда. — Точнее, не нам, а мне. Я должен отнести одну вещь в Королевский распадок — на ту сторону речки. А ты найди себе местечко посуше и жди. Ты понял?»

Уродец вытащил голову из-под крыла и воззрился на Лайама.

«Ты уверен, что хочешь пойти один?»

Такой уверенности Лайам не ощущал. Фануил был ему преданным другом и верным слугой. В случае чего, он мог оказаться полезным, он уже не раз выручал Лайама из беды. Несмотря на свои небольшие размеры, уродец обладал абсолютным бесстрашием и умел творить мелкие заклинания, способные обезвредить врага. Частишка души, которой Лайаму пришлось против воли

своей поступиться в уплату за это приобретение, теперь не казалась ему чересчур великой ценой. Собственно говоря, он ничем и не поступился, ибо потери не замечал. Душа его не стала ущербной, а лишь раздвоилась, войдя какой-то своей частью в дракончика, чтобы тот мог жить. Случай, который привел Лайама в дом чародея в ту ночь, был для уродца несомненно счастливым. И похоже, не для него одного. Лайам вздохнул.

«Я отправляюсь не на войну. К чему нам обоим мокнуть? До встречи!»

И он решительно шагнул из-под навеса под дождь.

Кейд проживал в небольшом тупичке рядом с улицей Мастеровых, главной артерией Ремесленного распадка. Семь подобных распадков, пробитых талой водой и ручьями, прорезали Торквей, сбегая к Монаршей реке, так что добратся до нее было проще простого. Лайам вышел на улицу и зашагал под гору, оскальзываясь на мокром булыжнике мостовой. Окошечки местных лавок и мастерских призывно светились, но он на них даже не поглядывал, угрюмо кутаясь в свой старенький плащ, который с каждым шагом становился все тяжелее. На набережной было пустынно, и Лайам, откинув со лба прядь липких волос, стал озираться в поисках лодки. Он не проделал еще и половины пути, а вся одежда на нем уже успела промокнуть.

Лодок на Монаршей не наблюдалось: река разбухла от ливней, и лодочники не рисковали

пускаться в опасный путь. Лайам приставил ко лбу ладонь, но другого берега не увидел: его скрывала сплошная завеса дождя. Выругавшись, он повернул направо — на запад — и зашагал по каменным плитам, образовывавшим прогулочный тротуар.

«Гнусный, дурацкий город!» Когда-то, впрочем, Лайам так не считал. Торквей просто очаровал паренька, выросшего в мидландской глубинке. Он с изумлением взирал на знаменитые башни коллегий, оплетенные своевольным плющом, на изысканные особняки знати и причудливые дома чародеев; кажется, сотни лодок сновали тогда по реке... Ярким, праздничным, пропитанным солнцем — вот каким был в то время Торквей.

«Ну, выдавались и хмурые дни! — сказал себе Лайам, пересекая огромную лужу. — Отнюдь не всегда тут было безоблачно, отнюдь не всегда!» Но память его отмахнулась от этой скептической мысли, ему ужасно вдруг захотелось вновь стать семнадцатилетним и беспшашным студентом. И чтобы отец был жив, и замок Ренфордов стоял нерушимо... «Я бы учился гораздо лучше, — давал неизвестно кому обещания Лайам. — Я посещал бы все лекции и совсем бы не пил!»

Он хмуро встряхнул головой, так что с волос его полетели во все стороны брызги, и прогнал бесполезные мечтания прочь. И ему уже не семнадцать, и лорд Ренфорд мертв, и на месте отчего замка — груда развалин. «А ты, при всей своей гордости, — всего лишь посыльный. Пора бы к тому привыкнуть и не расстраиваться по пустякам!»

Погрузившись в раздумья, он незаметно дошел до Башенного распадка. В начале уводящей в него улицы Мантий обнаружили две стоящие друг против друга таверны: по левую руку — «Кувшинчик», по правую — «Торба с гвоздями». Увидев знакомые вывески, Лайам повеселел. Он подумал, не завернуть ли в «Торбу»? Там можно погреться и пропустить стаканчик-другой. Студенты разных коллегий во времена его ученичества имели обыкновение бражничать в определенных тавернах. Лайам принадлежал к приверженцам «Торбы», причем к самым рьяным из них.

«Небо, каким же я был тогда идиотом!» Тот, кого хотя бы единожды вышибали из этого почтенного заведения, покрывал свое имя неувядаемой славой. Лайама вышибали из «Торбы» четырежды! Затем он припомнил, какими похмельными муками отзывалась наутро каждая из подобных пирушек, содрогнулся и решил не сбиваться с пути.

Еще десять минут торопливой ходьбы — и в пелене дождя проступила изящная арка моста Полукрон. Лайам похлопал себя по карману и усмехнулся. Легенда гласила, что некогда переход через реку действительно стоил полкроны, однако один из властителей Таралона откупил этот мост у скаредного владельца и повелел пропускать пешеходов бесплатно, а в тех местах, где стояли сборщики полукрон, благодарные горожане установили бюстики щедрого государя. Лайам походя потер плечико миниатюрного изваяния. Так делали все прохожие — на удачу,

и потому эти бюстики приходилось чуть ли не ежегодно менять.

Мост был узкий, только-только разминутся двум пешеходам, и потому в погожие дни через него текли нескончаемые вереницы людей. Но сегодня столичные жители предпочитали посиживать дома, и Лайаму встретился лишь один человек. Далеко внизу кипела вода, шум дождя отдавался под каменным сводом. Быстро смеркалось, тучи над головой постепенно чернели.

Перейдя реку, Лайам вновь повернул на запад. Он так промок, что перестал кутаться в плащ, выпрямился и зашагал, высоко вскинув голову, не обращая внимания на струи дождя. Из носа текло, вода заливала глаза, но в сапогах было сухо. Обувку он приобрел у хорошего мастера, а вот с плащом промахнулся. «Надо добыть где-то клеенчатый плащ!»

Впрочем, мучиться оставалось недолго: впереди уже показались два гигантских столпа. Эти мраморные, свободно стоявшие на своих поста-ментах колонны означали вход в Королевский распадок. Вокруг каждой из них располагались жаровни с навесами, к ним жались какие-то люди — в капюшонах и длиннополых плащах. В отсветах тлеющих углей их силуэты казались охваченными оранжевой окантовкой. Лайам услышал приглушенное бормотание.

«Возносят молитвы во здравие приболевшего государя», — подумал он и зашагал вверх по улице Шествий. За государя можно бы помолиться, но у него есть дела. Довлеющий над распадком королевский дворец был отчетливо ви-

ден даже сейчас: сияние многих сотен огней разрывало дождевую завесу. Особняки знати, его окружавшие, прятались за высокими стенами, оплетенными вездесущим плющом. В канавах бурлила вода.

Все это великолепие Лайама не очень смущало, ибо дружок чокнутого профессора должен был проживать тремя кварталами ниже. Он отсчитал нужное количество перекрестков, потом свернул, миновал два проулка и в глубине квартала обнаружил внушительное каменное строение, весьма схожее с тем, что было ему описано, правда, Лайам рассчитывал увидеть что-нибудь поскромней. Мокрая мостовая искрилась от света дюжины фонарей, озаряющих ярко-красную дверь, выступу над которой была придана форма гребня волны.

«Ничего себе домик! — подумал Лайам, медленно поднимаясь по ступеням крыльца. — Этот приятель мэтра, должно быть, из шишек!» Вывод его подтверждали и бронза массивной дверной ручки, и красовавшийся над нею эмалевый герб. Четыре белых дельфина резвились на синем поле под золотистым шевроном. Лайам присвистнул. Такие шевроны с бухты-барахты не раздавались. Ими отмечались лишь семьи, служившие верой и правдой короне на протяжении многих веков. Он встряхнулся, пригладил волосы, вытер нос, пошаркал по каменным плитам подошвами и только затем постучал в дверь бронзовым, специально для того предназначенным молотком. И принялся ждать, переминаясь с ноги

на ногу и дуя в кулак, чтобы согреть окоченевшие пальцы.

Ждать пришлось долго, томительно долго. Лайам уже собирался постучать вдругорядь, но тут дверь отворилась. Наружу выглянул невероятно тощий лакей — в синей с белым ливрее.

Он смерил неожиданного гостя немигающим взглядом и застыл в ожидании, поджав губы и выпятив огромный кадык.

— Я принес пакет для мэтра Берта, — сказал Лайам, расправив плечи и стараясь не показать, как задевает его поведение господского холоуя. Лицо лакея даже не дрогнуло. — От профессора Оссиана Кейда.

— Что ж, заходите.

Лайаму показалось странным, что пропуском в дом послужило второе, а не первое из названных им имен, но с поручением следовало покончить как можно скорее, а потому без особых раздумий он прошел мимо слуги и очутился в продолговатом, увешанном блеклыми гобеленами холле. Прорези вычурной стойки у входа заполняли резные толстые трости, два набалдашника тускло блеснули, наверное серебром. Пустое просторное помещение не было замкнутым, переходя в коридоры с рядами дверей.

— Ваш плащ, — тощий слуга протянул руку с таким видом, будто необходимость исполнять свои прямые обязанности ужасно его раздражала.

— Я долго не задержусь, — попытался возразить Лайам, но слуга топнул ногой.

— С вас, сударь, течет! — заявил он. Действительно, на кафельном темно-вишневом полу уже красовалась целая лужа. Лайам смущенно заулыбался и, мысленно проклиная чокнутого профессора, кое-как стащил с себя плащ. В последний момент он вспомнил о поручении, вынул из секретного карманчика сверток и сунул за пазуху.

Лакей принял с брезгливой миной мокрое одеяние гостя и качнул головой.

— Ваш кинжал.

Какой там кинжал! Всего лишь нож, прицепленный к поясу. В дела опаснее приготовления бутербродов Лайам никогда его не пускал.

— Я долго не задержусь! — повторил он и добавил мысленно: «Надутый осел!»

— Сударь, вам следует разоружиться.

Лайам озлился. Может быть, просто отдать этому болвану посылку? Пусть сам переправляет ее куда надо. Но тут он припомнил, как трясся над сверточком Кейд. «Нет, ну его. Слуги воруют! — Лайам прищурился, глядя на мерзкую рожу. — А этот, похоже, как раз из таких!»

Сердито хмыкнув, он вытащил нож из чехла и, взявшись за лезвие, протянул его упрямому обалдую. Слуга взял рукоять двумя пальцами, словно боясь измараться.

— Третья дверь!

Лакей кивком указал направление и остался стоять, холодно поблескивая выпуклыми, как у рака, глазами.

Дойдя до нужной двери, Лайам обернулся. Лакей все стоял, держа плащ и нож на отлете.

— Благодарю, вы сделали много больше, чем можно было от вас ожидать. Когда я вернусь, прикажите трубить во все трубы!

Челюсть у лакея отпала.

Лайам, удовлетворенно кивнув, нажал на дверную ручку.

Богато обставленный кабинет был совершенно пуст, однако в камине плясало пламя, а на дубовом столе стояла чаша с вином.

Лайам обвел помещение взглядом и негромко присвистнул. Гобелены тут были покачественней, чем в холле, пол устилали яркие привозные ковры. Свет доброй дюжины толстых свечей отражался в серебре канделябров.

«Надо же, с какими людьми знают торквейские книгочеи!»

Он подошел к камину и с изумлением обнаружил, что кабинет отапливается отнюдь не углем. Лесов вокруг Торквея не наблюдалось, все дерево завозилось в столицу судами, и дрова тут против угля стоили втрое дороже. И все же приятель Кейда в расходах себя не стеснял. Лайам сунул посылочку в брючный карман и протянул руки к живительному теплу, исходящему от весело потрескивающих поленьев. Боги, какое блаженство! И плевать, что этот мэтр Берт не идет! Чего он хочет? Набить себе цену? И пускай на здоровьечко набивает! «Пока эти чурки не прогорели, я преспокойно могу подождать».

Словно затем, чтобы развеять нелепые подозрения гостя, где-то щелкнул замок. Лайам поспешно выпрямился и повернулся. Потайная

дверца в дальнем углу помещения отворилась, и на пороге ее возник незнакомец. Слегка лысоватый, козлобородый, одетый в канареечно-желтую блузу и того же цвета штаны. Был он не очень высок, однако и не коренаст. Лайам нахмурился, вошедший заулыбался.

— Мэтр Берг — это я, — сказал он приветливо. — Вы, кажется, что-то хотите мне передать?

«Прихрамывает этот тип или нет?»

Заметив, что гость колеблется, мужчина, изображая смущение, поднес руку к губам.

— Ах, как я неучтив! Вы ведь пришли с той стороны и, похоже, изрядно промокли. Присаживайтесь, прошу вас!

И он указал на кресло, стоящее невдалеке от камина, а сам двинулся к письменному столу. Походка его была твердой и ровной.